

Введение

В истории прошлого существует не так много периодов, о которых слышаны буквально все, начиная со школьников, по всему миру. Древний Рим, Великое переселение народов, Крестовые походы... В ряду реперных точек на хронологической шкале свое место по праву занимает эпоха викингов. Трудно найти человека, хоть что-то слышавшего и читавшего, который затруднится хотя бы в двух словах охарактеризовать это явление. Конечно, здесь свое веское слово сказал кинематограф (а теперь еще и компьютерные игры), но для столь устойчивого источника вдохновения нужна по-настоящему великая эпоха, каковую, без сомнений, породили знаменитые викинги.

Кем они были? Что заставило католическую церковь ввести в состав официального богослужебного чина формулу *A furore Normannorum liberanos, o Domine!* — «От ярости норманнов избави нас, Господи!»? Мало ли было в раннем Средневековье — времени беспокойном и даже страшном, времени, которое позже стали называть говорящим термином «темные века», — опасных завоевателей? Их хватало с избытком.

Но ни авары в VI–VIII веках, ни венгры в IX–X столетиях, ни даже гунны на излете Античности подобного внимания не удостоились. И тому была причина.

Никогда Европа не подвергалась столь всеобъемлющей универсальной опасности, которая исходила бы не со стороны, а из самой Европы. Опасность эта обладала такой интенсивностью и последовательной продолжительностью,

что из простой угрозы, требующей реакции, превратилась в фактор жизни, каковой и позволил назвать целую эпоху по имени явления — **эпохой викингов**. Пусть это историографический конструкт и сами современники вряд ли догадывались, что их время кто-то назовет подобным образом, но феномен, без сомнения, существовал, и влияние его невозможно переоценить.

В далеком «чреве мира», в Скандинавии, которую Тацит считал островом, в последнем языческом регионе Европы шли процессы, которым суждено было породить финальное эхо Великого переселения, вобрав в себя инерцию, казалось бы, давно состоявшегося разрушения римской ойкумены и нечто новое — в виде экономики, культуры, вооружения и военного дела. Северные германцы — люди суровые и беспокойные. Они воевали и грабили соседей и друг друга на протяжении веков, как и многие другие. На первый взгляд, им суждено было стать еще одними варварами, на окраине Европы, залившими кровью свой регион, чтобы в бесконечных малых войнах создать новый кластер раннефеодальной государственности, встав в ряд обычных политических партнеров.

*Клим Жуков
Дмитрий Goblin Пучков*

Глава 1

У истоков эпохи викингов

Начинаем погружение в эпоху викингов. Конечно, викингами они стали не сразу — и, чтобы в этом как следует разобраться, начнем с определения круга проблем, связанных с данной темой: что собой представляет эпоха викингов, какова ее хронология, кто такие викинги вообще. Сразу отмечу, что сам по себе термин «эпоха викингов» — понятие, скорее, историографическое (как, например, Киевская Русь), поскольку само данное понятие является довольно искусственным образованием. Оно, конечно, имеет под собой конкретные логические основания: началом этой эпохи принято считать атаку на монастырь Святого Кутберта на острове **Линдисфарн** в Нортумбрии в **793 году**, а окончанием — битву у **Стамфорд-Бриджа** 25 сентября **1066 года**, где погиб Харальд Сигурдссон Хардрада (который в свое время даже был соратником нашего властителя Ярослава Мудрого и принимал участие в кампании против поляков в качестве одного из предводителей войск Руси¹).

¹ *Глазырина Г. В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга [Старой Ладogi] скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. — М., 1994 (<https://norse.ulver.com/articles/glazyrina/tilgjof.html>); *Джаксон Т. Н.* О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков (<http://ricolor.org/history/hr/polit/1/>).

И вот что странно: никого в то давнее время не смущало, что посадником в Ладоге (или, по-древнескандинавски, Альдейгьюборге) при Ярославе Мудром были два шведа подряд: Рёгнвальд Ульфсон и его сын Эйлив Рёгнвальдсон (с 1019-го и с 1045-го). Теперь же почему-то некоторыми это воспринимается чересчур нервно.

Многие полагают, что подобные хронологические рамки имеют мало общего с действительностью, но, мне кажется, такая периодизация не лишена логики. Ведь именно в это время викинги весьма ощутимо влияли на политику и экономику огромного региона — от Скандинавии до Северной Африки, от Волги до Северной Америки. Учитывая масштаб влияния, почему бы не назвать это время эпохой викингов? Вот, к примеру, в Западной Европе приблизительно тогда же расцветала эпоха Каролингов.

Стало быть, мы имеем право выделить эпоху викингов как историческое явление. Однако сами викинги появились, безусловно, гораздо раньше VIII века, просто с письменными источниками в те далекие времена дело у скандинавов обстояло довольно плохо. Еще Григорий Турский — известный франкский автор VI века, родившийся в 538 году, — описывает в своей десятитомной «Истории франков», как некие нортманы атаковали северное побережье Франкского королевства. Что это значит? Что имели место серьезные морские набеги на северные границы королевства франков, то есть истоки эпохи викингов были заложены уже тогда, хотя самой эпохи еще не существовало, да и вряд ли те морские бродяги звались викингами.

Не совсем понятно, почему в качестве начала выделяют именно 793 год, ведь за четыре года до событий на острове Линдисфарн, в 789 году, викинги уже напали на Англию, а до этого — на графство Дорсет. Что же касается формального окончания этой эпохи (то есть битвы при Стамфорд-

Бридже в 1066 году), то через две недели состоялась битва при Гастингсе, а в 1070 году скандинавы снова напали на Англию. Сложно сказать, чем эти события отличаются от последнего похода Харальда Хардрады. Поэтому можно сделать вывод, что в 1066 году целая эпоха, скорее всего, не закончилась; более того, термин «викинг» никуда не пропал, только приобрел однозначно негативную коннотацию (до этого она была условно негативной) и стал синонимом бандита, разбойника, мелкоуголовного элемента. Короче говоря, начал обозначать весьма неприятную личность даже для самих скандинавов. Это неудивительно: своих викинги тоже грабили.

В общем, можно говорить об эпохе викингов в широком смысле (когда викинги существовали как явление), а можно в узком смысле — что теперь и принято называть эпохой викингов: эти самые *временные* рамки со второй половины VIII века по вторую половину XI столетия. Поэтому, чтобы не привязываться к конкретным датам (хотя, безусловно, они являются очень ярким маркером), условимся, что будем говорить об эпохе викингов в узком смысле этого слова.

Итак, что такое «викинг»? Это слово вполне очевидно происходит от слова *vik* («бухта»), то есть «человек из бухты, из залива». Другое объяснение опирается на глагол *vikja* («отклоняться»), то есть викинг — «тот, кто отклоняется», «уклонист» от нормального образа жизни. Дело в том, что *vikingr* — это существительное мужского рода, а *viking* — глагольная форма, закрепившаяся, в частности, в сочетании *fara í viking* («уйти в викинг»). Таким образом, имя существительное породило глагольное сочетание — «поход с целью грабежа». Отсюда викинг — это, скорее всего, морской разбойник, пират, грабитель, который изначально базировался в некоей бухте, в вике; не исключено, что

в этой бухте он и занимался грабежом. Кстати, это вполне обычная практика, широко отраженная в источниках: вместо того чтобы ездить в далекую Англию, такие люди поджидали тех, кто вернется из далекой Англии с добычей, и их уже грабили.

Может возникнуть закономерный вопрос: допустим, у арабов тоже были пираты и они тоже жилали в бухтах. Почему их нельзя называть викингами? Эстонцы тоже имели своих пиратов, и, например, Олаф Трюггвасон, неизвестный персонаж скандинавской истории и король Норвегии, в детстве попал в плен именно к пиратам-эстам. Значит ли это, что он был в плену у эстонских викингов? Или, скажем, в конце X — XI веке полабские славяне с острова Рюген тоже практиковали подобные занятия, однако и они почему-то не викинги...

Дело здесь не в особенностях различных языков, а в том, что викинг — понятие специфическое. Он не только морской разбойник, грабитель, пират. Безусловно, каждый викинг — пират, но это условие недостаточное, хотя и необходимое. Во-первых, викинг — обозначение профессии или даже, если брать шире, некоего состояния: перестать быть викингом можно было очень легко, просто бросив заниматься всеми этими неприглядными делами и став «нормальным» человеком. Во-вторых, викинг — состояние, которое подразумевает **морской грабеж параллельно с торговлей и колонизацией**, то есть викинги были своего рода военизированными культуртрегерами¹. Это человек, который не просто приезжает куда-то воевать, но еще и подразумевает, что он может тут остаться. Следовательно, ему придется защищать свои торговые пути от аналогичных

¹ Человек, который, распространяя культуру и просвещение, попутно преследует свои корыстные интересы. — *Примеч. ред.*

грабителей, а самому грабить где-нибудь на стороне; если занимаешься торговлей, то буйствовать получится далеко не везде, потому что это очень вредит «бизнесу». Стало быть, требуется во многих случаях вести себя прилично и поддерживать стабильность в регионе.

К тому же может оказаться, что в некоторых местностях воевать просто неудобно: либо «плечо подвоза» с логистической точки зрения получается чересчур длинным, либо слишком велики шансы, зарвавшись, не вернуться (или вернуться не в полном составе). Однако впечатляющая удаленность от родного дома не мешала викингам творить свои бесчинства. По свидетельствам современников, они довольно регулярно несли большие потери в грабительских походах, потому что чересчур увлекались, уходили слишком далеко от своих кораблей или захватывали слишком много добычи и пленников. Среди таких неудачных вылазок, в частности, — набег на Севилью (844 год), который осуществили некие росы, наши будущие родственники, и нападение на город Бердаа (943 год) на Каспийском море. Только представим себе расстояние между Скандинавией и Каспийским морем!

Те же, кто не выполнял торгово-колонизаторских функций, были просто разбойниками, а вовсе не викингами. Правда, как говорилось выше, уже в VIII–IX веках слово «викинг» не подразумевало ничего хорошего. Вот пример: в **«Саге об Эгиле»** семилетний Эгиль поссорился с соседским мальчиком и прорубил ему голову топором. В дело вмешались взрослые, добавив в картину несколько трупов с той и с другой стороны, а мать Эгиля выразила уверенность, что сын, когда вырастет, станет викингом. Конечно, мать ребенку плохого не пожелает, но, скорее всего, она имела в виду, что сын ее настолько буйный, что

другой дороги ему не светит, и пусть лучше уплывает на своем корабле с глаз долой¹.

Таков в общих чертах смысл понятия «викинг». Не забудем неотъемлемые черты мировоззрения этих людей, уверенных, что достойно умереть (и попасть, таким образом, в рай) можно только в бою, покрыв себя воинской славой. Такая система понятий характерна не только для культуры викингов, но и для воинской культуры скандинавов в целом: это своеобразный последний отголосок Великого переселения народов, переживший само переселение на много веков. В этом отношении викинги ничем не отличались от древних германцев, так что сведения, приводимые Тацитом² в 98 году н. э., можно спокойно применить и ко всем скандинавам раннего Средневековья.

В VIII веке в Скандинавии (совокупно в Дании, Норвегии и Швеции) проживало **порядка миллиона или самое большее полутора миллионов человек**. Определить точнее не представляется возможным, так как никаких переписей, естественно, не проводилось. Такая численность невелика, но для того времени и тех условий жизни может считаться достаточной. Понятное дело, что все поголовно скандинавы викингами быть не могли, ибо подобные разбойники — это всегда некая надстройка над обычным обществом, которая должна базироваться на прочном материальном и культурном основании.

¹ Сага об Эгиле Скаллаграмссоне (<http://norroen.info/src/isl/egil/ru.html>).

² «Германия» (лат. *De origine, situ, moribus ac populis Germanorum*, «О происхождении, расположении, нравах и населении Германии») — составленное Тацитом этнографическое описание германских племен, живших в то время за пределами Римской империи. — *Примеч. ред.*

Здесь мы плавно переходим к еще одному вопросу, который необходимо затронуть в начале нашей беседы. Все дальнейшее обсуждение эпохи викингов будет построено вокруг главной проблемы: почему им не сиделось в родной Скандинавии, что их вообще погнало в чужие края и почему это вылилось в такой массивированный военный натиск?

Прежде всего взглянем на карту Европы: что представляет собой Скандинавия? Она является одним из двух больших полуостровов Европейского континента (второй — Пиренейский): эти две огромные территории на севере и на юге ограничивают Европу со стороны Атлантического океана. Скандинавия четко зонирована климатически и, можно сказать, агрокультурно: на крайнем ее севере **природа очень сурова, леса обширны**, а по направлению к Финляндии имеется даже **тундра**. До сих пор эти места не могут похвастаться большой плотностью населения, а уж в те времена там обитали разве что какие-нибудь совсем дикие охотники или же те, кто приходил из Скандинавии на промысел пушного зверя. Примерно посередине Скандинавия разделена горами, проводящими черту между севером и югом. Сами горы, естественно, тоже очень скудно населены (до сих пор), ибо заниматься в горах нечем, кроме как добывать железную руду.

За горами же, в южной части полуострова, климатическая зона совершенно другая: течение **Гольфстрим** обеспечивает в ней мягкий океанический климат, довольно прохладное лето и относительно мягкую зиму, и основное население сосредоточено именно на **южных территориях**. Однако, несмотря на то что там достаточно тепло, земля все же **не слишком плодородна** и при ее обработке приходится прилагать немало усилий, к тому же без гарантии серьезного результата. И самое главное — в этих краях не очень много пригодной для возделывания земли. Так было

и во времена раннего Средневековья, когда юг полуострова был заселен совсем небольшим количеством жителей.

Чем южнее, тем почвы плодороднее благодаря тому же Гольфстриму. В провинции Сконе в современной Швеции и особенно в современной Дании (и на островах, и на полуострове Ютландия) земля не промерзает зимой. Так что в этом отношении Дании повезло даже больше, чем Украине, расположенной гораздо южнее: там земля промерзает практически везде, кроме разве что побережья Черного моря. Не забудем еще, что в раннем Средневековье, о котором мы ведем речь, имел место **средневековый климатический оптимум**, то есть на территории всего Северного полушария было примерно на четыре градуса теплее, чем сейчас.

К климатическим условиям добавляются особенности ландшафта. Множество островов, масса бухт; все побережье буквально изрезано **бухтами и шхерами** — мелкими скалистыми островами. Когда бухты закрыты островами, очень удобно заниматься любым морским промыслом: от шторма всегда можно спрятаться в ближайшую бухту. Это было жизненно важно в эпоху раннего Средневековья, при тогдашнем уровне кораблестроения. В случае осложнений с погодой, столь частых на Балтике, мореплавателям необходимо было иметь возможность очень быстро укрыться там, где корабль не утопит волна. Скажем, на Ладожском озере дела обстоят примерно так же, вследствие чего оно является одним из любимых мест различных подводных археологов и водолазов: там постоянно обнаруживаются любопытные находки, среди которых — и железные, и деревянные корабли. В Балтийском море ситуация усугубляется тем, что оно гораздо больше Ладожского озера, — следовательно, в нем ветер не встречает препятствий, создавая внушительную волну. Одним словом, именно наличие уже упомянутых вигов и шхер располагало к мореходству. Тем

более что скандинавам и вообще северным германцам это замечательное занятие было не чуждо еще со времен, предшествовавших нашей эре, как нам точно известно из археологии и сообщений, например, того же Тацита).

Итак, мы бегло взглянули на Скандинавию, в которой античные авторы располагали утробу мира, потому что для них это была земля *Ultima Thule* («край света»); где конкретно она находится, все представляли себе очень плохо, лично никто в ней не был, о ней только слышали — и были уверены, что именно из нее происходили те самые германцы, которые потом доставляли всем столько проблем. Что самое интересное — оказывается, действительно из нее они и происходили, о чем теперь недвусмысленно заявляет археологическая наука.

Кто же такие эти северные германцы, которые впоследствии породили викингов? Это люди, имеющие прямое отношение к **ясторфской археологической культуре** — а она, в свою очередь, происходит из еще более древней культуры боевых топоров (получившей такое название оттого, что в раскопанных слоях, относящихся к ней, найдено огромное количество данного оружия). Замечу попутно, что боевые топоры очень отличались от обычных топоров, предназначенных для рубки дров. Кстати, излюбленным оружием викингов являлся не меч, а именно **топор**: он гораздо дешевле меча — а значит, им можно вооружить всех, в то время как приобретение меча было доступно не каждому.

Говоря о ясторфской археологической культуре, нельзя обойти вниманием тот факт, что она, по сути своей, была довольно бедной и не очень развитой — по крайней мере в начале (примерно VII век до н. э.). Вообще, богатство археологических культур напрямую связывается с богатством раскопанных поселений (чего в этом случае мы не наблюдаем) и роскошью погребального инвентаря. Ведь

на что указывает богатый погребальный инвентарь? На то, что носители данной культуры в результате разнообразных занятий достигли обладания столь обширным имуществом, что могли себе позволить просто зарыть в землю определенную его часть без ущерба для оставшихся в живых. Все предметы, уложенные в могилу вместе с покойником, должны были пригодиться ему в загробной жизни (к примеру, дорогое оружие и украшения у кельтских вождей), и чем богаче захоронения, тем богаче конкретная археологическая культура в целом. Если же захоронения оказывались достаточно скромными, как в случае с ясторфской культурой, то это вовсе не значит, что ее носители были сами по себе людьми нищими. Это значит лишь то, что они просто не могли оторвать от своих семейств слишком много полезного добра, даже ради такого важного дела, как воздание почестей усопшему. Для них подобное расточительство было практически за пределами разумного. Поэтому в захоронениях, относящихся к данной культуре, мы находим **лепную керамику**¹ и довольно бедные украшения.

Однако создатели таких могил соседствовали — что очень важно — с носителями **латенской культуры** железного века, то есть с кельтами или их непосредственными соседями, кое-что от них перенявшими. А латенская культура знаменует собой, среди прочих достижений, начало серьезной **стальной металлургии** в западной Европе — и, соответственно, начало изготовления серьезного металлического **оружия** на севере Европы. Это лучшие мечи и лучшие шлемы, пользование которыми не считалось зазорным даже для римлян, не говоря уж о носителях все той же ясторфской культуры.

¹ Лепную керамику изготавливали не с помощью гончарного круга, а способом ручной лепки.